

Для цитирования: Корнейчук Б. В.
Рецензия на книгу С. Д. Бодрунова
«Ноономика» // Социум и власть. 2019. № 4 (78). С. 109—113.

УДК 330.342.24

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. Д. БОДРУНОВА «НООНОМИКА»

Корнейчук Борис Васильевич,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский филиал,
профессор департамента экономики,
доктор экономических наук, профессор,
Российская Федерация, 190121,
г. Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, д. 3.
E-mail: bkorneychuk@hse.ru

Аннотация

Проведен критический анализ монографии С. Д. Бодрунова «Ноономика». С политико-экономических позиций исследована авторская концепция «нового индустриального общества». Показана слабость теоретической и институциональной основы предложенной концепции перехода к централизованной плановой экономике на основе цифровизации.

Ключевые понятия:

постиндустриальное общество,
российская экономика,
марксизм,
планирование,
цифровизация.

Перед нами монография, в которой предложена политико-экономическая концепция, отвечающая современному этапу развития цивилизации. Ее изложение автор предваряет критикой постиндустриальных теорий Д. К. Гэлбрейта, Д. Белла и других. Он отмечает ограниченность и поверхностность их размышлений о грядущих изменениях, их «не-стремление» к поиску глубинных закономерностей и исследованию каузальных связей, апеллирование к отжившим общественным феноменам, игнорирование классовой борьбы. Следуя тезису марксизма о материальном базисе общества, он подвергает критике постиндустриальный подход в целом и сам термин «постиндустриальный», характеризуя современную экономику как индустриальную: «Теория постиндустриализма фактически отвергает индустриальную основу развития социума — в этом ее принципиальная ошибка» [1, с. 51]. Концепцию будущего общества автор относит к своим главным научным достижениям и отмечает, что «фундаментальных исследований в этой области пока не видно, хотя хватает поверхностных дилетантских спекуляций на эту тему» [1, с. 116]. По его мнению, В. Вернадский, К. Маркс и Э. Фромм не имели «внятной модели» будущего и конкретного ответа на вопрос, какими материальными средствами может быть достигнуто решение проблем общества.

В основу своей теории С. Бодрунов положил тезис о происходящем ныне переходе общества в новое состояние, названное им вторым этапом новой индустриальной экономики (НИО.2). По мысли автора, постиндустриальная стадия (НИО.1) уступает место новому индустриальному состоянию, в котором вновь доминирует материальное производство. Данное суждение он обосновывает с помощью законов диалектики: «Новое индустриальное общество и экономика XXI в. должны стать “отрицанием отрицания”, диалектическим снятием и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. К. Гэлбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, рассмотренных Д. Беллом и его последователями» [1, с. 68]. Результатом движения по спирали должно стать новое состояние общества, синтезирующее элементы материального и нематериального (постиндустриального) производства. Новый тип материального производства характеризуется автором как «знаниеинтенсивное», он видит его принципиальное отличие от обычного индустриального в том, что оно постепенно трансформируется в «нооинтенсивное производство», которое

функционирует вообще без участия человека и потому является неэкономическим: «Ноономика — хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений людей в процессе материального производства» [1, с. 171]. Введенные автором понятия «знаниентенсивного» и «нооинтенсивного» производства вызывают как минимум два вопроса. Во-первых, сущность технического прогресса состоит именно в вытеснении физического труда посредством внедрения новых знаний, а экономика развивается лишь за счет их применения (знаниентенсивности) и расширения творческой деятельности (нооинтенсивности). Поэтому едва ли следовало вводить специальные термины и их производные, такие как «новоиндустриальный», «малознаниеемкий», «ноообщество». Во-вторых, остается неясным различие между «знаниентенсивностью» и «нооинтенсивностью», автор лишь утверждает, что «знаниентенсивное производство должно развиваться в нооинтенсивное производство» [1, с. 128]. А это различие играет важную роль в последующих рассуждениях автора, который связывает знаниентенсивное производство с наличием экономических отношений, а нооинтенсивное — с их отсутствием.

Позже становится очевидным, что водораздел между стадиями нового индустриального общества автор проводит скорее не в сфере производства, а в сфере *потребления*. Предложенная им теория потребления базируется на авторской концепции человека, построенной на фундаменте религиозной веры. Данный подход является новаторским, но является ли он научным? Автор постулирует «системное свойство созданного Господом человека», а именно — противоречие между осознаваемой им очередной новой потребностью и невозможностью ее немедленного удовлетворения, причем человек разрешает это противоречие посредством распознавания двух типов потребностей: неразумных и разумных. Критерием классификации служит знание, трактуемое как вера, проистекающая от Господа. Поскольку знание, как полагает автор, существует объективно от нашего сознания, а абсолютное знание есть «Господь всезнающий», то человек лишь стремится к Абсолютному знанию, приближаясь к Богу, но не способен познать Абсолютное знание, поскольку тогда он был подобен Творцу. Исходя из тезиса о заданной свыше ограниченности познавательных возможностей человека, автор критикует создателей постиндустриальных теорий за то, что они фетишизируют роль создателей

знаний [1, с. 51]. Как он полагает, знания нужны человеку в первую очередь для распознавания хороших и плохих потребностей, причем «заповеди Христовы — это те критерии «качества» человека, на которые мы, как на оселке, точим, проверяем себя, подтачиваем» [1, с. 109].

Приведенные религиозно-научные рассуждения автор использует для обоснования политики ограничения потребностей. Он считает, что необходимо ограничение «неразумных» потребностей, а критерием при их оценке служит Знание-Вера: «Мы будем ощущать, как грань, как внутреннее состояние, на уровне веры <...>: вот это нравственно и верно, вот это симулякр... И вот это будет “осознанная вера” в то, что истинно. Знание покажет, какая потребность — фальшивая, а какая — нет» [1, с. 245]. Основным средством ограничения потребностей названо *самоограничение* человека. Автор замечает, что оно не выступает неким внешним императивом, однако далее противоречит сам себе, предполагая внешнее воздействие на человека: «Конечно, на переходном этапе к ноообществу свою роль в ограничении симулятивных потребностей будут играть и внешние моральные императивы, разъяснение, убеждение, наконец, воспитание привычки к разумному самоограничению. Но, разумеется, наиболее действенным станет <...> внутреннее самоограничение» [1, с. 220]. Идея о необходимости воспитания человека при переходе к ноообществу родственна ленинской идее о воспитании «нового человека» в период социализма, которая реализовалась на практике в массовое насилие и создание «воспитательных» учреждений лагерного типа. Мы убеждены, что жесткий сценарий реализации любой доктрины «воспитания общества» объективно предопределен: если одна группа провозглашает себя носителем истины и присваивает право воспитывать людей, то тем самым она признает себя абсолютным субъектом власти, а прочих граждан — лишь пассивными объектами управления, бессловесным ресурсом производства.

Предложенная модель «духовного человека с самоограничениями» потребовалась автору для обоснования политики государственного регулирования сферы потребления. Показатель ВВП он не считает «разумными» из-за того, что он включает стоимость «неразумных» товаров и услуг, а поэтому предлагает ограничивать выпуск «плохих» товаров и тем самым увеличивать благосостояние населения при одновременном

сокращении затрат ресурсов и объема ВВП. Такой подход, как он полагает, позволит отказать от стремления догнать развитые страны по уровню ВВП: «Главное — не догонять, а, не догоняя, *перегнать*, Надо — обойти, иначе никогда не догоним» [1, с. 318]. Он пишет: «производство *должно* подчиниться не погоне за объемом потребления, или за престижем, или за накоплением капитала — оно должно быть поставлено под контроль человеческого разума» [1, с. 92]. Результатом воспитанной привычки к самоограничению должно стать все более полное удовлетворение возрастающих потребностей людей за счет прогресса технологий, а присвоение — актом простого и предельно доступного удовлетворения потребности без ущерба прочим индивидам. Автор фактически отождествляет описанное им общество «разумного потребления» с коммунизмом: «в некоем смысле человек возвращается в «рай», приближается к Абсолюту. Или — в марксово «царство свободы» [1, с. 269].

Теоретические построения автора приводят его к главной идее книги — попасть в «рай коммунизма» можно только через стадию *планирования*. Для обоснования этого тезиса он привлекает свою теорию потребностей и также теорию трудовой стоимости. Следуя методологии марксизма, он использует ее для доказательства неизбежности отмирания частной собственности и рыночной экономики. Ход рассуждения автора традиционен: прогресс вытесняет физический труд, а с ним исчезает стоимость, измеряемая в единицах труда, одновременно отмирает собственность на капитал и рыночная система, и тут объективно возникает потребность в планировании. Но здесь автор делает две теоретические ошибки. Во-первых, теория трудовой стоимости была отвергнута в ходе «маргиналистской революции», после которой установилось равноправие двух факторов стоимости: фактора предложения, связанного с затратами труда и другими издержками, и фактора спроса, связанного с субъективной полезностью. Во-вторых, автор ошибочно отождествляет капитал и собственность. Для него собственность — это запас стоимости, овеященный трудом: «Значимость собственности будет падать. Ничего она не будет “стоять”! А ведь сейчас в ней — “овеществленный труд”. Накопленный труд. Резерв обмена... А тут — “овеществление” без труда. Резерв не нужен. Зачем тогда “собственность”?» [1, с. 174]. Однако после Маркса понятие собственности коренным образом изменилось.

Если раньше речь обычно шла о собственности на физический капитал, то сегодня не менее важна собственность на нематериальные активы, такие как интеллектуальная собственность, при этом обмен правами собственности все реже сопровождается обменом физическими активами.

Провозгласив скорое отмирание собственности, автор закрыл себе дорогу для создания реалистичной теории инноваций и инвестиций. Как показывает практика, главным препятствием для частных инвестиций в России служит именно отсутствие гарантий прав собственности. Поэтому инвесторы ожидают от теоретиков и практиков хозяйственного регулирования содействия в решении этой важной проблемы, а прогнозы об ожидаемой кончине собственности как «хищнической ипостаси» способны лишь усилить их неуверенность и ухудшить инвестиционный климат. Вместо рыночных механизмов инвестирования автор предлагает использовать собственную методику отбора инвестиционных проектов, основанную на введенных им понятиях «пенетрация» и «рединесс», он пишет, что ключом к выбору технологий в качестве «прорывных» является пенетрационно-рединесс-анализ. Авторская методика планового инвестирования вызывает ряд вопросов и сомнений, в частности, она дает слишком простые ответы на сложные вопросы: «Инновации в России не внедряются — почему? Рединесс к ним — низкий!» [1, с. 160]. Предлагаемые управленческие решения, такие как создать «не одно Сколково, а десять» [1, с. 163], также вызывают сомнения на фоне нынешней государственной политики инноваций.

При изучении завершающих разделов монографии читатель убеждается, что она посвящена в большей мере не новой «ноономике», а старой плановой системе. Автор показывает себя сторонником планирования советского типа, экономической философии, которую В. Мау назвал «плановым фетишизмом» [2]. С. Бодрунов утверждает, что «мы отстали не потому, что такие глупые, а потому что советская экономика при распаде СССР была <...> порвана в клочья» [1, с. 60]. Концепция «ноономики» оказывается для него средством доказательства неизбежности планового перехода экономики в новое, состояние, а «путь к такому состоянию лежит через различные переходные социально-экономические формы (в первую очередь, через различные плановые механизмы)» [1, с. 256]. Идею планирования автор распространяет на все сферы экономики.

В сфере производства предложено создавать индустриальные комплексы, которые призваны заменить небольшие производства. В сфере инвестиций также предполагается доминирование патернализма и прямого участия государства: «Эффективность *наших* инвестиций, *наших* затрат, эффективность вообще всей работы *государственной машины* (курсив мой — Б. К.) будет на порядок выше, если мы поставим это на более планомерную основу» [1, с. 311]. Планирование призвано сыграть определяющую роль в судьбе мировой цивилизации, которой автор предрекает крах в случае продолжения нынешнего развития, а альтернативой, по его мнению, «мог бы в некоей мере стать Советский Союз, сохранись он и получив доступ к современным технологиям» [1, с. 299].

В чем же заключается новизна монографии, ведь многие российские экономисты предлагают вернуться к плану? Ответ на этот вопрос — *цифровизация*. Именно этим термином автор обозначает тот элемент своей концепции, который, как он считает, не учли создатели теорий постиндустриального общества. Этим термином он характеризует также экономическую политику, которая должна привести общество к состоянию цифрового коммунизма. Необходимость цифровизации автор обосновывает в духе ленинского принципа «учета и контроля», а причину краха советской экономики видит в отсутствии на тот момент необходимых технологических возможностей: «Советский Союз развалился не потому, что был план, а потому, что план был *плохой*, несбалансированный, неотработанный... Не было мощностей вычислительных, не было моделей таких, которые можно было бы использовать в планировании для достижения более «истинного» результата» [1, с. 321]. Планирование и цифровизация предстают у автора как единый механизм управления обществом, носящий всеобъемлющий, тотальный характер: «Я не представляю себе будущее общество, интеллектуальное ноообщество, без института планирования как одного из главных, базовых инструментов общественного управления, *всего его бытия*. Без этого инструмента мы не сможем всерьез подойти к проблеме цифровизации экономики... Цифровизация активов и структуры управления экономикой — насущная задача реиндустриализации и создания современной не только индустрии, но и экономики в целом» [1, с. 314]. Для «сверхважной» задачи цифровизации предлагается создать специальные органы управления,

разработать «стратегическое поле», принять программу и косвенные субпрограммы. Но реализуемы ли эти цели на практике?

Здесь мы подходим к важнейшему моменту в оценке монографии С. Бодрунова. Почему социалистические проекты проваливаются, а попытки их реализации неизбежно сопряжены с массовым насилием? Мы убеждены, что причина этого в отсутствии того, что в теории управления называют *обратной связью* между субъектом и объектом воздействия. Если сбой такой системы приводит к аварии космического аппарата, то в более сложной общественной системе отсутствие механизма обратной связи, тем более, неизбежно порождает социальные конфликты. Особое значение механизма обратной связи в условиях демократии предопределено тем, что граждане являются объектом управления и одновременно — высшим субъектом управления, а поэтому для реализации той или иной политики необходима поддержка граждан, т. е. предлагаемые идеи должны одобряться на *институциональном уровне*. Иными словами, любая теория или программа должна базироваться на принципе, который я называю «уважение к институтам». Однако автор занимает прямо противоположную позицию. Исходя из тезиса «Весь мир — наша грифельная доска!» [1, с. 291], он предлагает *создавать* новую индустриальную систему и нормы поведения, *воспитать* нового человека, *изменять* институты. Он даже ставит под вопрос «научность» современной экономической науки лишь на том основании, что она не дает человеку возможность тотального контроля всей хозяйственной жизни общества: «До сих пор экономическая рациональность совершенно определено заключалась не в том, чтобы *подчинить* себе экономические процессы, а в том, чтобы умело приспособляться к явлениям, которыми *мы не управляем* (курсив мой — Б. К.)» [1, с. 248].

Предлагая концепцию трансформации, основанную на теоретической конструкции, сходной с ленинской моделью перехода к коммунизму через стадию социализма, автор понимает, что для ее реализации также потребуются шоковое воздействие на естественный ход развития общества. Он говорит о необходимости «глобального скачка», или «поистине революционного перехода от «зоо» к «ноо». Аналогично тому, как Ленин предсказывал ожесточенное сопротивление буржуазии в период социализма, С. Бодрунов также ожидает противодействие неких враждебных сил. Задаваясь вопросом,

произойдет ли переход к ноообществу гладко и без конфликтов, он прямо отвечает: «Без сопротивления и всяческих буераков на этом пути не обойдется. «Зоо», «зверское» в человеке будет сопротивляться, стремиться свернуть развитие на вариант, приводящий к разрушению, деструкции, а не прогрессу» [1, с. 325].

Пережитые страной исторические коллизии, несомненно, оградят россиян от увлечения идеей революционного скачка в царство тотального цифрового планирования. Вместе с тем концепция «ноономики», как и любая другая имеет право на существование и уважительное к себе отношение. Но и от авторов экономических программ мы ожидаем уважения к сложившимся институтам и *мнению граждан* как носителей этих институтов. Прежде чем предлагать столь радикальный проект, автору книги следовало бы задаться рядом вопросов. Найдет ли поддержку у владельцев квартир и частных предприятий идея о скором отмирании собственности, у потребителей — идея о самоограничении «неразумных» потребностей, у инвесторов — необходимость применения «пенетрационно-рединесс» анализа при отборе проектов, у налогоплательщиков — воссоздание затратной системы централизованного планирования?..

1. Бодрунов С. Д. Ноономика : монография. М. : Культурная революция, 2018. 432 с.

2. Мау В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861—1919). М. : Дело, 2013. 512 с.

References

1. Bodrunov S.D. (2018) Noonomika. St. Petersburg, Kulturnaya revolutsiya Publ., 432 p. [in Rus].

2. Mau V.A. (2013) Reformy i dogmy. Gosudarstvo i chelovek v epokhu reform ii revolutsiy (1861—1919). Moscow, Delo Publ., 512 p. [in Rus].

For citing: Korneychuk B.V.

Review of S.D. Bodrunov's book "Noonomics" // *Socium i vlast'* 2019. № 4 (78). P. 109—113.

UDC 330.342.24

REVIEW OF S.D. BODRUNOV'S BOOK "NOONOMICS"

Boris V. Korneychuk,

National Research University
"Higher School of Economics",
St. Petersburg branch,
Professor of the Department of Economics,
Doctor of Economics, Professor,
The Russian Federation, 190121,
St. Petersburg, ulitsa Kantemirovskaya, 3.
E-mail: bkorneychuk@hse.ru.

Abstract

The author conducts a critical analysis of the monograph by S.D. Bodrunov "Noonomy." The author's concept of a "new industrial society" is investigated from political and economic aspects. The weakness of the theoretical and institutional basis of the proposed concept of transition to a centrally planned economy based on digitalization is shown.

Key concepts:

post-industrial society,
Russian economy,
Marxism,
planning,
digitalization.